

Антон Лаптев

РАЗВЕДКА КАК АВАНТЮРА: ЭКСПЕРИМЕНТЫ ГЕРМАНСКОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ НА РУССКОМ ФРОНТЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Первая мировая война стала временем практической реализации многочисленных военных инноваций и нестандартных решений. Техническое развитие воюющих стран и масштаб конфликта заставили по-новому взглянуть на классические приемы в арсенале противоборствующих армий. Разведывательные службы европейских стран проявляли чрезвычайную гибкость в вопросах внедрения новых методов работы и всячески поощряли «новаторские» идеи своих сотрудников без их предварительной проверки. Характер таких управленческих решений нередко граничил с авантюристкой, и практика войны показала, что Германия и Австро-Венгрия серьезно рассчитывали на практическую пользу от таких решений на восточном фронте. К началу войны немецкая и австро-венгерская разведки уже имели четкий план действий против Российской империи. В сферу интересов врага входили не только прифронтовые зоны: агентурные линии врага тянулись вплоть до Москвы, Петрограда и Севастополя, превращая всю Европейскую часть России в один невидимый фронт. Последующие четыре года стали непрерывным соревнованием в находчивости и изобретательности между немецкой «Abteilung IIIВ» (германской разведывательной службой), а также австро-венгерским «Эвиденцбюро» и российской контрразведкой. Эти процессы отразились не столько на фронте, сколько на государственном аппарате империи: явление массо-

вой шпиономании «раскручивало» репрессивные меры и все ближе толкало Россию к кризису 1917 г.

В предвоенные годы германская агентурная разведка занималась вербовкой во всех слоях общества, не обращая внимания на национальность, класс, пол и возраст потенциальных кандидатов. В основе подбора лежал ряд характеристик, а именно: материальная необеспеченность, легкомысленность и невысокие нравственные качества. Вместе с тщательной подготовкой агентов на местах (школах разведки), германская разведывательная служба ставила своей задачей поиск авантюрных и легко вербуемых элементов с готовым набором навыков, необходимых для ведения работы во вражеском тылу. Такие критерии подбора можно назвать весьма спорными и, как показала практика войны, в дальнейшем сыграли для нанимателей дурную службу.

Для поиска будущих кандидатов широко применялись газетные объявления. В 1912 г. в ряде газет Петербурга стало публиковаться следующее предложение: «15 000 рублей побочного годового дохода без капитала могут заработать господа офицеры, чиновники в отставке, вообще все, которые вращаются в высших кругах общества, в качестве представителей одной заграничной художественной фирмы». Другие газеты писали о «800 барышнях, которые имеют каждая до 200 000 рублей приданого и желают в скором времени выйти замуж». Все эти объявления указали один и тот же адрес для высылки писем: Шлезингер, Берлин, 18. Неудивительно, что такие публикации в прессе вызвали интерес со стороны органов контрразведки. В ходе расследования было установлено, что «художники» и «женихи» нужны для одной-единственной цели — шпионажа в пользу Германии в предстоящей войне².

Для вербовки использовались и обычные письма. Так, в мае 1914 г. некоторые старшие врачи в русской армии стали получать письма от «русского профессора» одного из германских университетов. Текст писем содержал ряд вопросов, касающихся вместимости и оборудования врачебных заведений, а также настойчивую просьбу «профессора» выслать имеющиеся в распоряжении годовые отчеты, докладные записки, сборники и другой печатный материал. После того, как на эти пись-

² Звонарев К. К. Агентурная разведка : в 2 т. Т. 2. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 1931. С. 7.

ма обратила свое внимание контрразведка, выяснилось, что автором письма выступал офицер германской разведывательной службы, у которого в отчете оказался пробел о постановке врачебного дела в России³.

Вместе с вербовкой местного населения, в предвоенные годы распространилась практика командировок офицеров немецких разведывательных служб в соседние страны. Эти негласные мероприятия дополнялись заграничными командировками офицеров Генерального штаба под различными благовидным предлогами: для изучения языка (г. Казань)⁴, на военные маневры, для лечения родных, в качестве туриста и т. д. Командировки предпринимали и сами руководители немецкой разведки. В частности, Вальтер Николаи, назначенный в войну начальником Разведывательного Управления Штаба германского верховного командования, перед своим назначением посещал Россию с целью «ознакомиться на месте с театром своей будущей деятельности»⁵.

Получение легальных данных происходило за счет тесного знакомства с «выдающимися представителями страны», присутствия на войсковых учениях, изучения публикуемой военной литературы. Особое внимание военные агенты уделяли характеру лиц командного состава вражеской армии. Ярким примером этого служат воспоминания генерала Макса Гофмана⁶: «Мне известно, что между ними обоими (Самсоновым и Ренненкампом) существовала личная неприязнь, начало которой относилось еще к битве под Ляояном». Из этого факта Гофман сделал вывод о том, что Ренненкампф не окажет поддержки Самсонову и в Восточной Пруссии. Правильность этого предположения в скором времени доказало поражение русских войск у Танненберга⁷.

Наряду с колонистами, работа разведки строилась на использовании германских промышленных, торговых и финансовых предприятий в России. Главные задачи, которые ставились перед германской промышленностью в России, заключались в осведомлении о разви-

³ Там же. С. 10.

⁴ Начиная с 1890 г. и вплоть до начала Первой мировой войны австрийская разведывательная служба ежегодно направляла в г. Казань 2 офицеров на курсы изучения русского языка. См.: Ронге М. Военный и промышленный шпионаж. Двенадцать лет службы в разведке / Пер. с англ. С. Ю. Чупрова. М., 2020. С. 16.

⁵ Николаи В. Тайные силы / Пер. с нем. В. Телицын. М., 2015. С. 398.

⁶ Гофман М. Война упущенных возможностей / предисл. В. Гурко-Кряжина, пер. с нем. Б. Кулакова. М.; Л., 1925. 203 с.

⁷ Звонарев К. К. Указ. соч. Т. 2. С. 20.

тии производительных сил в стране, противодействии этому развитию и агентурной разведке. В 1911 г. Дойче-Банк отпустил 1 500 000 марок в виде беспроцентных ссуд германским компаниям в России для организации промышленно-торговых экспедиций. Целью этого выступал полный учет естественных богатств России, позволявший проанализировать будущие промышленные и военные возможности. Наряду с финансовыми инструментами, использовались и возможности конкретных исполнителей на местах. Германские инженеры, работавшие на русских предприятиях, ежегодно предоставляли в промышленно-статистический отдел Генерального штаба подробные отчеты о деятельности предприятий. Нередко на таких предприятиях работали будущие офицеры германской армии. Так, в русском обществе «Сименс-Шуккерт» служил германский офицер Фридрих Роде, который с началом войны вошел в состав одного из штабов германской армии. В довоенные годы Роде неоднократно посещал крупнейшие российские заводы, вырабатывающие предметы обороны, с целью якобы установки промышленного оборудования⁸.

Вербовочная и организационная работа германской агентурной разведки в мирное время шла в двух направлениях: по линии обслуживания потребностей в информации мирного времени и по линии создания агентурной сети на случай войны. Еще до начала военных действий германская разведывательная служба учла, что агенты — германские подданные, однозначно подвергнутся преследованию. Поэтому ставка была сделана на так называемых «двойных подданных». Это был просчет германской разведки. В начале войны она получила целый ряд чувствительных ударов именно по этому направлению. Особенно это коснулось российской резидентуры. В России с первых дней войны начались массовые аресты и высылки не только германских подданных, но даже лиц с немецкими фамилиями. Такие репрессивные процессы происходили не только в крупных городах, а повсеместно на территории западных губерний⁹.

Уже 29 июля 1914 г. смоленский губернатор получил из департамента МВД шифрованную телеграмму следующего содержания: «... ввиду призыва Австрией и Германией всех способных носить

⁸ Звонарев К. К. Указ. соч. Т. 2. С. 46.

⁹ Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России / пер. с англ. Маликовой М., 2009. 376 с.

оружие, все австрийцы и германцы мужского пола от 18 до 45 лет должны считаться военнопленными и подлежать немедленному аресту и высылке... за исключением состоящих на действительной военной службе, которые должны содержаться под стражей вплоть до дальнейших указаний военного начальства». Как видно из содержания, в руководстве МВД не стали разбираться в вопросах двойного гражданства¹⁰. В дальнейшем руководство военных округов (Минского, Московского, Петроградского) только ужесточило эти положения, распространив их на женщин, больных и неспособных к военной службе, а также «лиц немецкого и австрийского происхождения», за благонадежность которых не поручались лично губернаторы.

Такие массовые репрессивные меры не могли не поставить под вопрос эффективность работы немецкой агентурной разведки, выстраиваемой на протяжении длительного предвоенного периода. Если в первое время фронтовая агентурная разведка Германии могла дать ценные результаты, то со стабилизацией линии фронта в 1915 г. ее результаты стали несущественными. Руководители германской разведки видели причину этого в работе русской контрразведки, которая была организована «на большие средства и в общих чертах соответствовала германской». Так, все попытки начальника агентуры 10-ой армии направлять в тыл русских армий надежных агентов оказались неудачными и «напрасно стоили много денег и крови»¹¹.

Складывающаяся ситуация потребовала от германской секретной службы новаторских решений и новых способов получения разведывательных данных. С 1915 г. в губернские жандармские управления прифронтовых губерний, как органы, вовлеченные в контрразведывательную работу военных округов, стали поступать секретные инструкции, раскрывающие новые приемы и способы ведения шпионажа на территории России¹². Массовое распространение таких материалов говорило о высокой информированности русской контрразведки и эффективности ее работы¹³.

¹⁰ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1289. Оп. 1. Д. 481. Л. 21.

¹¹ Звонарев К. К. Указ. соч. С. 48.

¹² ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 141. Л. 1–3.

¹³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 949. 1916. Л. 1–6.

Сотрудников российской контрразведки искренне поражаало разнообразие профессий, которые использовались как прикрытие для шпионажа. Среди них встречались артисты, воры и преступники, шулера, лакеи, продавцы, фокусники, нищие (подростки и калеки), фабричные и заводские рабочие, железнодорожные агенты, инженеры. Особо отмечалась опасность со стороны проституток и артисток кафе-шантанов. В качестве последних выбирались «красивые, изящные и интересные» женщины, которые должны были посещать первоклассные рестораны и заводить многочисленные знакомства среди молодых офицеров, которые прибыли с фронта. После знакомства артистки приглашали офицеров (нередко целыми группами) к себе, где в обильном количестве имелся нелегальный алкоголь и сигареты дорогих марок. Во время таких «кутежей и попоек» у подвыпивших офицеров, воспользовавшись их несдержанностью и болтливостью, было необходимо выведать сведения, представляющие военный интерес. Женщинам-агентам рекомендовалось заводить знакомства с компаниями офицеров, так как последние в разговорах между собой нередко раскрывали важные сведения о дислокации и численности их соединений, а также планируемых действиях на фронте¹⁴.

В инструкциях отмечалось и внимание к помещениям, которые арендовали актрисы. В ряде случаев использовались квартиры со смежными комнатами или чуланами, а женщины-агенты работали попарно. Одна из артисток находилась вместе с офицерами и несколько раз отлучалась за алкоголем или по иным личным делам, оставляя их, как они думали, наедине. Вторая в этот момент находилась в смежной комнате и через подготовленные для этого отверстия (замаскированные картинами или другими элементами декора) подслушивала разговоры, фиксируя важные сведения в специальном блокноте.

Для агентов, завербованных из числа проституток, ставились не только иные цели. В качестве объектов для них выбирались старшие армейские чины, писари, нижние чины штабов рот и телеграфов. Они, стараясь впечатлить собеседницу своей «важной» должностью, нередко откровенничали, находясь наедине. Такие лица имели доступ к интересующим агентов сведениям и в то же время не в полной ме-

¹⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 949. 1916. Л. 2.

ре осознавали их важность, поэтому могли легко рассказать о том или ином переданном штабном сообщении или телеграмме.

Германским шпионам рекомендовалось пользоваться в России услугами преступников и проституток, не причастных к шпионажу. Но немецкое руководство указывало на необходимость крайней осторожности при использовании таких асоциальных элементов. Вначале от агента требовалось установить преступления, которые были совершены вербуемым, какие из них были раскрыты и стали известны в полиции. С этой целью агент должен был вступать в «тесные отношения» с местными проститутками. По лаконичному замечанию немецкого руководства любая проститутка являлась «губкой, пропитанной преступлениями». После установления контакта такой женщине ставилась задача по поиску людей, которые могли помочь в каком-либо незаконном деле. Конкретизировать задачи на данном этапе строжайше запрещалось. От агента требовалось заводить разговоры о известных женщине кражах, убийствах и других громких преступлениях. Было необходимо получить информацию, но не организовывать на этом этапе встречу. После сбора сведений немецкий шпион направлялся в различные вечерние и ночные заведения, которые имели «сомнительный статус» у местного населения. Инструкции немецкого командования давали неоднозначную характеристику и отмечали, что в городах на театре военных действий «все помешаны на шпионаже», поэтому преступникам, особенно «мелкого сорта», уделяется крайне мало внимания: «в это время можно достаточно свободно посещать разные подозрительные питейные и кабачки, так как там не ищут шпионов, а, следовательно, никому из государственных служб до них нет дела»¹⁵.

Посещение этих заведений требовалось для поиска и знакомства с теми преступниками, о которых стало известно благодаря информации от проституток. После знакомства с такими личностями агенту вменялось во чтобы то ни стало не терять последних из виду. Последующие действия агента должны были совмещать шантаж и подкуп. После личного знакомства шпион сообщал, что ему известно о совершенных им преступлениях, и предлагал щедрое вознаграждение за оказание помощи в «одном важном деле». Вознаграждение делилось на «весьма щедрый» аванс, который платился вперед, и окончательную

¹⁵ ГАСО. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 158. 1914. Л. 624.

плату, которая была положена преступнику после окончания работы. Агенту указывалось, что «не следует скупиться, нужно давать столько, чтобы они видели, что это для них полезно»¹⁶.

Какие задачи ставились перед такими преступниками со стороны немецких агентов? Наиболее важной задачей выступала кража документов. В таком случае похищение ценного груза маскировалось под обычное ограбление, что должно было сбить со следа жандармерию и контрразведку. Инструкции отмечали, что преступник не упустит шанса забрать вместе с «заказом» и другие ценные вещи, чем только поможет в маскировке истинной цели ограбления. Второй по важности задачей выступали убийства. В случае если назревала ситуация, требующая «убрать» какого-либо человека, агенту строжайше запрещалось действовать лично и обязывалось иметь на такой случай нескольких «местных умельцев», готовых выполнить такую работу.

Русской контрразведке было доподлинно известно о нескольких специализированных полевых школах разведки в Кашау (совр. Кошице) и Кракове по подготовке агентов, которые набирались из числа жителей занятых германскими и австрийскими войсками территорий, беженцев, а также пленных русских солдат и офицеров. В большинстве своем ими становились поляки и евреи, причем последние у немецкого командования пользовались большим доверием. Для вербовки выбирались представители различных профессий, которые включали в себя парикмахеров, контрабандистов, преступников, альфонсов, проституток, беспризорников 12–15 лет, а также калек и бездомных¹⁷.

Особую роль в деле поиска будущих агентов сыграл лейтенант германской секретной службы Александр Бауэрмайстер, который получил известность как энтузиаст вербовки пленных русских офицеров для отправки обратно в Россию в качестве шпионов (о чем он неоднократно писал в своих воспоминаниях)¹⁸. Такая экспериментальная программа осуществлялась с конца 1914 по 1915 г. Бауэрмайстер был прекрасно образован и в совершенстве владел русским языком, который он освоил во время проживания с семьей в Петрограде (до войны у его отца в России имелся прибыльный бизнес). Интересен тот факт,

¹⁶ ГАСО. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 158. 1914. Л. 625.

¹⁷ Там же. Л. 282.

¹⁸ *Bauermeister A. Spies Break Through: Memoirs of a German Secret Service Agent.* New York, 1934.

что Бауэрмайстер имел отношение к известному «шпионскому» делу и аресту подполковника Мясоедова, обвиненного в шпионаже¹⁹.

Подготовка в школах разведки в среднем занимала три недели. Будущие агенты осваивали подготовленные для них легенды прикрытия, учились использовать письменные шифры, заучивали сигналы огневой сигнализации (световые сигналы для наводки немецкой авиации и цепелинов), а также знакомились с подрывным делом. За время подготовки шпионов специализированные бюро изготавливали для них поддельные документы для работы в России. Одно из таких бюро располагалось в г. Базеле и готовило как заграничные, так и внутренние российские паспорта, располагая подлинными (или неотличимыми от подлинных) печатями Ростовской мещанской управы и Виленского губернского правления. Нередко агенты снабжались и оригинальными документами, которые были захвачены у русских подданных на оккупированных территориях. Перечни таких паспортов регулярно направлялись контрразведкой в губернские жандармские управления на театре военных действий с требованием немедленного ареста лиц с указанными документами.

Также агенты снабжались денежными средствами, необходимыми для выполнения задания. Обычно эта сумма составляла от 15 до 100 рублей. Вместе с деньгами шпионы могли получить несколько комплектов одежды для «переодевания» в соответствии с легендой прикрытия, а также молитвенники или карманные календари, которые использовались для секретных пометок²⁰.

Особым успехом для немецкой и австрийской разведок был захват делопроизводственной документации магистрата г. Сосновец, занятого после отступления русских войск. В руки секретной службы попали готовые паспортные бланки и оригинальные печати, которые немедленно были пущены в дело как немецкой, так и австрийской секретными службами. Так, 20 января 1915 г. из Кракова австрийским капитаном Моравским было выслано большое количество шпионов с задачей выяснить дислокацию русских войск по трем направлениям: Петроков — Сулеев — Опочно; Петроков — Пржедборж — Конск — Скаржиско; Новорадомск — Пржедборж — Опатовец — Кельцы. Все аген-

¹⁹ Фуллер У. Указ. соч. С. 37.

²⁰ ГАСО. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 157. Л. 18.

ты были снабжены сосновецкими паспортами и изображали беженцев, бежавших из города еще до его захвата неприятелем. У каждого из агентов имелся печатный пропуск на право прохода через австрийскую линию войск, который был зашит в углу полы платья у женщин и в воротник у мужчин. В качестве специальных средств у них имелись особые невидимые чернила (в виде белого бесцветного порошка) для секретных записок. К несчастью для агентов, которых выслали на задание, уже 27 января 1915 г. начальники губернских жандармских управлений на театре военных действий не только были в срочном порядке оповещены об указанной группе, но и имели точные ориентировки с приметами каждого из шпионов, а также были проинформированы о факте использования паспортов г. Сосновец. Не последнюю роль в этом сыграл еврей Эфраим Уязд, который входил в эту группу и был задержан в Клецкой губернии органами контрразведки. Указанный шпион сознался, что был послан штабом 1-го австрийского корпуса и предоставил всю остальную необходимую информацию²¹.

Неудача постигла и другую группу шпионов, которая пыталась переправить в тыл русских войск большую партию динамита, частью предназначенного для подрыва строящихся в Николаеве судов, а частью для диверсий на заводах Петрограда. Динамит был доставлен на р. Прут в коробках из-под какао, где агенты обвязали его вокруг своих тел и спрятали под широкой одеждой. Для подкупа пограничной стражи каждый из них имел при себе по 200 франков. Но на «русском» берегу реки неудачливых агентов встретили не только стражники, но и контрразведчики, которые знали о готовящейся операции за несколько недель, что говорит о хорошей работе русских агентов на австрийской территории²².

Пересечение линии фронта для вражеских агентов было достаточно сложной процедурой. Если в начале войны германская секретная служба снабжала агентов возвратными удостоверениями (для предъявления германским солдатам после возвращения с задания), которые зашивались в подкладку или прятались между пальцев ног в сапогах, то уже к началу 1915 г. немецкая разведка стала отмечать тот факт, что такие удостоверения часто обнаруживались, что приводило к мас-

²¹ ГАСО. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 158. 1914. Л. 351.

²² Там же. Л. 571.

совым задержаниям агентов на линии русских войск. В связи с этим, вместо удостоверений, агенты стали снабжаться денежными или кредитными билетами, на которых имелись условные знаки. Так, пятирублевые купюры были помечены латинскими буквами «S, H, C». Деньги прятались под пробкой башмака или в подкладке одежды. Иногда условные знаки наносились и на саму одежду. У одного из пойманных шпионов кроме меченой пятирублевки знаки были найдены на полотне левого кармана брюк. Все эти нововведения практически сразу становились известны русской контрразведке²³.

Для отвлечения подозрения от агентов германское руководство прибегало к различным ухищрениям. Ряд агентов выпускался из окопов и бежал в сторону русских войск, изображая побег. В этот момент немецкие солдаты, в подтверждение легенды беглецов, якобы открывали по ним ружейный огонь. Другие агенты переходили фронт во время непосредственной атаки на позиции русских войск, что было настолько же эффективным, насколько и рискованным способом проникнуть в русский тыл²⁴.

Трудно оценить общие успехи германской секретной службы против России в годы Первой мировой войны. Однако имеются конкретные сведения, которые позволяют судить о ряде действий германской и австрийской агентурных служб. В 1909 г. разведывательный отдел германского Генерального штаба потратил на российских агентов 22 тыс. марок, однако разведке не удалось рекрутировать ни одного шпиона из числа офицеров, не было получено ни одного плана мобилизации. Германская секретная служба низко оценивала производительность многих своих агентов, а также малое время их «жизни» из-за постоянных арестов. Вместе с этим ни германская, ни австрийская разведки, используя «двойных» и «тройных» агентов, до конца не были уверены, кому те служат на самом деле. Один из сотрудников германской секретной службы вспоминал, что из восьмидесяти русских агентов, завербованных Германией в 1914 и 1915 гг., «более шестидесяти... как оказалось, были подсунуты нам русской секретной службой»²⁵. Общую характеристику успехам германской разведки дал

²³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 949. Л. 44.

²⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 123. Д. 141 ч. 66. Л. 1.

²⁵ Фуллер У. Указ. соч. С. 181.

в своих воспоминаниях ее руководитель — Вальтер Николаи. Он писал, что шпионы на русском театре военных действий способны были предоставить материал только для крайне ограниченного локального тактического успеха²⁶. Ставка на привлечение авантюрных личностей к шпионской работе повлекла лишь большой расход денежных средств (бюджет германской секретной службы и был увеличен в десять раз с началом войны). Вместе с этим многие из новоиспеченных агентов даже не планировали заниматься шпионажем, но с завидной регулярностью брали деньги, по несколько раз «перебегая» через линию фронта и предоставляя «нанимателям» устаревшие или незначительные сведения.

Однако нельзя говорить о том, что германская разведка неудачно проявила себя на русском фронте. Противник успешно использовал подключение к российской фронтовой связи и перехват радиограмм. Одна только австрийская секретная служба расшифровала шестнадцать отдельных кодов русской армии. Тот факт, что Россия в течение всей войны жила в тени шпиономании и всеобщего недоверия, говорит о том, что государственные службы и контрразведка всерьез воспринимали угрозу от германских и австрийских секретных служб. В связи с этим и были установлены массовые репрессивные меры по отношению к собственному населению²⁷. Как замечает исследователь У. Фуллер, «в конце концов российская контрразведка приняла как рабочую гипотезу, то есть стала исходить из того, что всякий человек — предатель, пока не доказано обратного»²⁸. Именно эта установка во многом позволила государственному аппарату в лице органов контрразведки и жандармерии эффективно противостоять германским и австрийским шпионам на всем протяжении войны. Вместе с тем повсеместное использование репрессивных мер неизбежно усиливало социальный кризис в империи²⁹. Ставили ли чины немецкой и австро-венгерской разведок в качестве своей основной цели усиление и перетекание этого кризиса в политическую плоскость? Впол-

²⁶ Николаи В. Указ. соч. С. 218.

²⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 708. Л. 3.

²⁸ Фуллер У. Указ. соч. С. 312.

²⁹ Лор Э. Русский национализм и Российская Империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / пер. с англ. В. Макарова. М., 2012. С. 195–203.

не вероятно, что шпиономания в российском обществе позволила достичь этого результата, но уже как самостоятельное явление, а не как результат многоступенчатых разведывательных планов.

Источники и литература

1. *Гофман М.* Война упущенных возможностей / С предисл. В. Гурко-Кряжина, пер. с немец. Б. Кулакова. — М. ; Л. : Государственное издательство, 1925. — 203 с.
2. *Звонарев К. К.* Агентурная разведка. Т. 2. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. — М., 1931. — 163 с.
3. *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / пер. с англ. В. Макарова. — М. : Новое литературное обозрение, 2012. — 304 с.
4. *Николаи В.* Тайные силы / Пер. с нем. В. Телицын — М. : Принципиум, 2015. — 592 с.
5. *Ронге М.* Военный и промышленный шпионаж. Двенадцать лет службы в разведке / Пер. с англ. С. Ю. Чупрова. — М. : ЗАО Центрполиграф, 2020. — 415 с.
6. *Фуллер У.* Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России / пер. с англ. Маликовой — М. : Новое литературное обозрение, 2009. — 376 с.
7. *Bauermeister A.* Spies Break Through: Memoirs of a German Secret Service Agent. — New York, 1934.
8. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 6. Д. 141.
9. ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 708.
10. ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 949.
11. ГАСО. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 157.
12. ГАСО. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 158.
13. ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 481.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 123. Д. 141 ч. 66.